

Научная статья

УДК 34

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001

Появление понятия «состав преступления» в отечественной доктрине и особенности его воплощения в конструкции составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 года

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОБЛИКОВ

Институт государства и права РАН, Москва, Россия, skoblikov@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию регламентирования охраны брака, семьи, супружества, детства и других вопросов семейных отношений в Уголовном уложении 1903 г. *Цель:* установить, когда и как в отечественной доктрине уголовного права появилось понятие «состав преступления», раскрыть его основное содержание в то время: выявить и показать особенности составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. *Методы:* для достижения указанной цели использовались правила, приемы формальной и диалектической логики; абстрагирование и обобщение; дедукция и индукция; исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования; системный анализ; приемы толкования правовых норм; изучение документальных источников; материалы и выводы предыдущих исследований и др. *Результаты:* установлено, когда и при каких обстоятельствах в отечественной доктрине уголовного права появилось понятие «состав преступления», раскрыто его основное содержание. Осуществлен обзор составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г., даны их градация по степени тяжести и классификация по объекту посягательства. Очерчен круг субъектов рассматриваемых преступных деяний и определены особенности их статуса, отмечены приемы юридической техники, своеобразие субъективной стороны. Показаны формы и способы совершения преступных деяний, проанализирован объект посягательств, раскрыты особенности статуса потерпевших. *Вывод:* обобщенный в статье материал дает представление об истории появления в отечественной уголовно-правовой доктрине понятия «состав преступления», а также уровне развития юридической техники на рубеже XIX–XX вв., взглядах на уголовно-правовую охрану брака, интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, общественно опасных деяний.

Ключевые слова: Уголовное уложение 1903 г.; преступные посягательства против прав семейственных; общий состав преступления; особый состав преступления; доктрина российского уголовного права; специальный субъект преступления; специальный потерпевший; объект преступных посягательств; виды объектов преступления; традиционные семейные ценности; уголовно-исполнительная система.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Скобликов П. А. Появление понятия «состав преступления» в отечественной доктрине и особенности его воплощения в конструкции составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 года // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001.

Original article

Formation of the Concept of “Composition of the Crime” in the Russian Doctrine and Specifics of Its Embodiment in the Composition of Crimes against Family Rights under the 1903 Criminal Code

PETR A. SKOBLIKOVInstitute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, skoblikov@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>**Abstract**

Introduction: the article considers protection of marriage, family, matrimony, childhood and other issues of family relations under the 1903 Criminal Code. Purpose: to establish when and how the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law, to reveal its main content at that time, and to identify signs of the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Methods:* to achieve this goal, the author uses rules and techniques of formal and dialectical logic; abstraction and generalization; deduction and induction; historical, comparative legal and formal legal research methods; system analysis; methods of interpretation of legal norms; study of documentary sources; materials and conclusions of previous studies, etc. Results: it is established when and under what circumstances the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law; its essence at that time is revealed. The composition of criminal acts against family rights under the 1903 Criminal Code is analyzed; they are divided by severity and classified by object of encroachment. The author identifies subjects and determines features of their status and legal technique used for this purpose, as well as reveals and describes the specifics of the subjective side of perpetrators. Forms and methods of committing criminal acts against the rights of family members according to the specified Code are shown, an object of encroachments in these cases is analyzed, and peculiarities of the status of victims are revealed. *Conclusion:* the article shows formation of the concept “composition of the crime” in the domestic criminal law doctrine, demonstrates a development level of the legal technology in criminal law acts of Russia at the turn of the XIX and XX centuries, and discloses our predecessors’ ideas about criminal law protection of marriage, interests of the family, the rights of its members and kinship relations, as well as about social danger of acts.

Keywords: 1903 Criminal Code, criminal encroachments against family rights, general composition of the crime, special composition of the crime, doctrine of Russian criminal law, special subject of crime, special victim, object of criminal encroachments, types of objects of crime, traditional family values, penal system.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Skoblikov P. A. Formation of the concept of “composition of the crime” in the Russian doctrine and specifics of its embodiment in the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001.

Введение

Недавно исполнилось 120 лет с момента утверждения российским императором Николаем II нового Уголовного кодекса, названного уголовным уложением (далее – Уложение 1903 г.). В соответствующем указе содержалось повеление об обнародовании текста Уложения 1903 г. и о том, что в действие этот акт будет приведен в срок, который император назначит отдельно [1, с. 4].

Данный памятник отечественного уголовного законодательства имеет небогатую правоприменительную историю. Он вводился в действие постепенно, в ограниченном объеме и на небольшой территории, что было обусловлено, по объяснениям правоведов-современников, неготовностью уголов-

но-исполнительной системы реализовывать новации, заложенные в рассматриваемом документе. Так, профессор Г. Е. Колоколов объяснял отсрочку введения на неопределенный срок невозможностью широкого использования одиночного заключения, предусмотренного Уложением 1903 г., вследствие полной непригодности имевшихся тюрем, а также «недостатка исправительных заведений для малолетних преступников, отсутствия организованного патроната» [2, с. 7].

Октябрьская революция 1917 г. и вызванный ею слом прежней правовой системы завершил историю апробации Уложения 1903 г. Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка летом 1918 г. писал: «Старые за-

коны были “сожжены”. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложение русской революции” вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» [3, с. 3]. Под обожженными листочками здесь имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г.

В советский период развития страны рассматриваемый нами памятник отечественного права по идеологическим соображениям находился на периферии научно-исследовательского интереса. В литературе, изданной в то время, можно найти лишь краткие политически окрашенные характеристики Уложения 1903 г. Вот как оно описывалось в юридическом словаре, неоднократно переиздававшемся в середине XX в.: «один из реакционнейших уголовно-правовых актов царской России. Оно было издано накануне первой русской революции, в годы подъема революционного движения в России. Его издание накануне первой русской революции было вызвано тем, что действовавшее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не могло уже удовлетворять задачам борьбы помещичье-буржуазного правительства с надвигающейся революцией» [4, с. 554].

Лишь в 1980-х гг. в связи с реформаторскими процессами в политической системе документ вновь вернулся в зону внимания исследователей, и к настоящему времени по теме Уложения 1903 г. состоялось большое количество научных публикаций. Конечно, этот интерес обусловлен, прежде всего, кардинальным изменением общественно-политического строя и возрождением частной собственности, стремлением почерпнуть позитивный опыт правотворчества, коррелирующий с новыми социально-экономическими условиями, но не только этим. Значительную роль, на наш взгляд, играют и другие обстоятельства. Во-первых, ни один уголовный закон нашей страны не готовился столь тщательно. К его подготовке были привлечены значительные научные силы, для разработки и сопровождения проекта была образована редакционная комиссия, в состав которой вошли знаменитые ученые того времени, оставившие большой след в уголовно-правовой науке, творческое наследие которых до сих пор востребовано – Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий. Во-вторых, никакой иной проект уголовного закона не обсуждался юридическим сообществом столь широко и с таким вниманием. Для иллюстрации сказанного следует привести некоторые подробности. Проект Общей части Уложения 1903 г. вместе с объяснительной запиской был разослан практикующим юристам и теоретикам уголовного права с просьбой о предоставлении замечаний. Параллельно указанные документы были переведены на немецкий и французский языки и отправлены многим иностранным ученым. Полученные замечания собраны, систематизированы и отпечатаны в пяти томах, причем отзывы зарубежных специалистов были представлены как на языке оригинала, так и в переводе на русский. После рассмотрения всех поступивших замечаний (для их обсуждения потребовалось 26 заседаний) переработанный проект

и объяснительная записка (где был проведен анализ замечаний и обоснована позиция редакционной комиссии об их принятии или отклонении) были вновь напечатаны [5, с. 193].

Вместе с тем надо отметить, что основное внимание современных исследователей сосредоточено на Общей части Уложения 1903 г. Нам не удалось обнаружить ни одной научной публикации, специально посвященной анализу конструкции составов противоправных деяний против прав семейственных, закрепленных в Уложении 1903 г. Этот термин после 1917 г. вышел из оборота, хотя использовался в законодательстве России почти весь XIX в. Книга первая Свода законов гражданских из 10-го тома Свода законов Российской империи называлась «О правах и обязанностях семейственных»). Точности ради следует отметить, что те или иные вопросы ответственности за противоправные деяния против прав семейственных по Уложению 1903 г. в некоторых публикациях затрагиваются, но лишь в рамках более общих тем, при этом составы указанных деяний нигде не анализируются, а лишь констатируется сохранение в уголовном законодательстве прежних запретов, либо их упразднение, либо появление новых. В качестве примера можно привести статью Ю. Ю. Гарцовой, где этим вопросам уделяется полстраницы [6, с. 263–264].

Между тем в силу происходящих глобальных процессов в странах так называемого коллективного Запада, в частности разрушения традиционных представлений о семье, роли мужчины и женщины, воспитании детей, агрессивной пропаганды однополых браков, декларирования и реализации прав детей на смену пола и т. п., в России встал вопрос о путях и способах защиты традиционных семейных ценностей. Все это объективно повышает актуальность исследования того, каким на рубеже XIX–XX вв. было видение уголовно-правовой охраны интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, какие деяния представлялись общественно опасными и в какой степени и т. д. Стоит также отметить, что само понятие «состав преступления» для отечественной правовой науки к моменту начала работы над проектом Уложения 1903 г. было относительно новым, не столь проработанным и заметно отличающимся от современных представлений. Обратимся к истории появления данного понятия.

Когда и как появилось понятие «состав преступления» в отечественной доктрине, каково было его содержание. По всей видимости, первым российским учебником уголовного права явилась работа И. Е. Неймана, изданная в 1814 г. [7]. Эта книга была подготовлена на русском языке в соответствии с отданным в феврале 1813 г. персональным поручением министра народного просвещения Российской империи А. К. Разумовского: составить учебную книгу – руководство по русскому уголовному праву. Автор – Иоган-Георг (Иван Егорович) Нейман родился в Марбурге в 1780 г. (графство Кассель, ныне территория Германии), окончил там университет и в возрасте 27 лет был приглашен в Россию для участия в работе Комиссии по составлению законов. В 1809 г. назна-

чен профессором русского права и государственного хозяйства в Казанский университет, а в 1811 г. перешел на сходную должность в Дерптский университет. Большую часть жизни Нейман прожил в России, здесь же и скончался [8].

Анализ указанного труда показал, что искомое понятие вообще не используется. Через год после издания работы И. Е. Неймана была выпущена в свет книга О. И. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права» [9], которую некоторые современные исследователи называют первым российским учебником уголовного права [10]. Почему эти авторы отдают первенство учебнику О. И. Горегляда, не вполне ясно. Не исключено, что учебник И. Е. Неймана им не известен (в приведенной статье он не упоминается). Возможно также, что ввиду происхождения Неймана они не считают его российским автором и не принимают в расчет его работу. Как бы то ни было, в работе Горегляда понятие состава преступления не только не раскрывается, но даже не упоминается.

В учебнике уголовного права П. Н. Гуляева, вышедшем спустя одиннадцать лет, книга Горегляда с уважением называется, при этом указывается, что она не лишена определенных недостатков [11, с. I-II]. Однако и в работе П. Н. Гуляева термин «состав преступления» нигде не используется. Сходное положение наблюдается и в учебном курсе уголовного права С. И. Баршева [12], изданном спустя 16 лет после книги П. Н. Гуляева: там также нет упоминаний о составе преступления. Лишь в другой работе С. И. Баршева, выпущенной много позже, фигурирует термин «состав преступления», причем используется он единожды в значении современного термина из области криминалистики «механизм преступления». Дословно приводится следующее: «главным образом криминалист тогда имеет нужду в судебной медицине, когда для объяснения состава преступления требуется медицинский осмотр, как это бывает всегда в случаях, когда есть подозрение в насильственной смерти, отравлении или при телесных повреждениях» [13, с. 19].

Самая ранняя работа российского правоведа, которую нам удалось обнаружить, где помимо иных вопросов рассматривается учение о составе преступления, относится к 1863 г. Она принадлежит перу видного российского юриста и правоведа В. Д. Спасовича [14]. В 1857–1861 гг. он работал профессором в Петербургском университете и читал там лекции по уголовному праву, которые легли в основу учебника.

Состав преступления автор учебника представлял как совокупность всех признаков, входящих в содержание понятия преступления. Важно отметить, что данная совокупность совмещает в себе как внешнюю (объективную), так и внутреннюю (субъективную) стороны преступления. Некоторые из этих признаков, как писал В. Д. Спасович, столь важны, что без них преступление просто немыслимо; они называются существенными. Другие признаки такого рода, что без них преступление может обойтись, но они могут влиять в известной степени на меру наказания – их называют признаками несущественными. В качестве иллюстрации этого деления автор привел случай

убийства, при котором телесное повреждение потерпевшего есть признак существенный, но совершено ли оно ножом, топором, палкой, нанесены ли удары по груди или по голове – это несущественные черты преступления [14, с. 90].

Состав преступления, по В. Д. Спасовичу, может быть общим и особенным. Общий состав образуется посредством отвлечения (абстрагирования), и в него входят признаки, свойственные любому преступлению. К общему составу в каждом отдельном преступлении присовокупляются новые черты, только одному этому виду свойственные и дающие ему особенную характеристическую окраску [14, с. 90].

Подводя итог своему анализу, В. Д. Спасович указал, что преступление обуславливается наличностью, во-первых, предмета преступления, во-вторых, его виновника и что оно необходимо содержит в себе четыре элемента: два образующие внешнюю его сторону – действие и его последствия, и два образующие внутреннюю его сторону – волю (к совершению деяния) и знание последствий действия [14, с. 92–93].

Взгляды В. Д. Спасовича, по-видимому, сформировались под влиянием изучения немецкой юридической литературы и зарубежного законодательства, где уголовно-правовая доктрина была представлена в более развитом и совершенном виде, нежели в отечественных источниках. Более того, в современной юридической науке бытует мнение, что учебник В. Д. Спасовича был основан на концепции немецкого криминалиста, профессора Берлинского университета А. Ф. Бернера [15, с. 306]. В связи с этим уместно вспомнить, что общая часть учебника уголовного права А. Ф. Бернера была переведена на русский язык, а затем издана в Санкт-Петербурге уже упомянутым выше видным российским правоведом и государственным деятелем Н. А. Неклюдовым [16]. Этот труд на языке оригинала был издан за несколько лет до выхода в свет учебника В. Д. Спасовича, о чем свидетельствует список основных публикаций А. Ф. Бернера [17, с. 570].

Русское издание учебника Бернера оказало столь значительное влияние на русскую науку уголовного права, что он был упомянут и охарактеризован в краткой справке «Россия/Наука/Уголовное право», размещенной в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [18, с. 847–848].

Как и в труде В. Д. Спасовича, в учебнике А. В. Бернера состав преступления (Thatbestand) в самом общем виде определяется как совокупность признаков преступления с разъяснением, что признаки преступления как понятия родового образуют общий состав преступления, видовые же его признаки образуют его особенный состав. О том, что не только видовые, но и родовые признаки входят в особенный состав, А. В. Бернер не упоминает, тогда как у В. Д. Спасовича это уточнение есть.

Признаки преступления А. В. Бернер классифицирует более подробно, нежели В. Д. Спасович: он их подразделяет на существенные (essentialia), обыкновенные (naturalia) и случайные (accidentalialia), указывая при этом, что только существенные признаки обуславливают понятие и наличность преступления,

обыкновенные же и случайные имеют влияние на меру наказания. Однако автор не поясняет, чем обыкновенные признаки отличаются от случайных.

А. В. Бернер описывает основные составляющие общего состава преступления – деяние, его субъект, объект и средства воздействия на объект, а также показывает их соотношение. Какого-либо специального термина для характеристики этих составляющих (части, элементы состава и т. д.) А. В. Бернер не использует. Деяние, по его мысли, должно служить основой, скелетом для построения учения об общем составе преступления, все остальное же – это предикаты деяния как подлежащего [16, с. 338].

Важно отметить, что А. В. Бернер предлагает читателям краткую историческую справку, в которой показывает трансформацию рассматриваемого понятия. Он указывает, что прежде состав преступления называли *corpus delicti*. Сначала таким образом обозначали внешние следы преступления, когда преступник не был еще известен. Значение данного выражения было преимущественно процессуальным. Составу преступления противопоставляли внутреннюю виновность (*Thäterschaft*). Новейшая наука осознала неразрывную связь состава преступления с виновничеством, почему и рассматривает последнее как часть состава преступления и не обращает внимания на процессуальное происхождение рассматриваемого словосочетания. При таком расширении значения термина теряет свой смысл латинское выражение «*corpus delicti*», указывающее на нечто телесное, материальное [16, с. 337]. Таким образом, по представлению А. Ф. Бернера, состав преступления охватывает и субъективную сторону деяния, осознание действительности и волю к ее изменению (хотя само сочетание – «субъективная сторона» им не используется).

Во введении к русскому изданию учебника А. В. Бернера его переводчик и издатель Н. А. Неклюдов поставил читателей в известность о том, что там, где рассуждения автора казались ему неполными, он делал добавления, а там, где он счел их резко неправильными, поместил примечания или заметки. В связи с этим полезно обратить внимание на два обстоятельства: 1) общее представление о составе преступления, изложенное А. В. Бернером, издателем не подвергается критике, то есть принимается; 2) позже Н. А. Неклюдов войдет в редакционную комиссию, образованную для разработки Уложения 1903 г.

Обзор составов преступных деяний против прав семейственных и их градация по степени тяжести. В Уложение 1903 г. включена гл. 19, которая предусматривает ответственность за преступные деяния против прав семейственных. По случайному совпадению она охватывает также 19 статей. Статьи лишь пронумерованы, названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные подразделения. Наряду с этим количество конкретных составов деяний, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правовых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступления, то можно выделить в рассматриваемой главе следующие составы:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося ко вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих ко вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значения своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшего (ст. 414);
- вступление в брак лица христианского вероисповедания в брак с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с ее согласия, но без согласия ее родителей при условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе двадцати одного года (ст. 417);
- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);
- отказ доставлять пропитание и содержание своим виновным в том нуждающимся родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти либо грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419);
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг двадцати одного года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего возраста семнадцати лет, совершенная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего возраста двадцати одного года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии если брак состоялся (п. 3 ст. 420);
- отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);
- принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего возраста двад-

цати одного года, путем злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);

– оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);

– незаявление о чьих-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);

– невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);

– невнесение по небрежности в метрические книги надлежащих сведений или записи о рождении, смерти или бракосочетании духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426);

– внесение по небрежности в метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426);

– неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о предоставлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступлений. Напротив, в одну из статей главы (ст. 415) включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние (возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») это примечание, то есть некое пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства.

Всего в Уложении 1903 г. встречается две такие конструкции: уже упомянутая ч. 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется все новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментальный получил на-

столько широкое распространение (на начало 2023 г. в Особенной части насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования, в которых предпринимаются попытки прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении [19].

С учетом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., два предусмотренных там преступления (ч. 1 и 2 ст. 408) относятся к категории тяжких, поскольку виновному грозит каторга, при этом пятнадцать деяний являются проступками (ст. 414–419, 421, 423, 424, 426), так как в качестве наиболее строгого наказания за их совершение предусмотрен арест или денежная пеня, ну а остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). Самое распространенное наказание в главе – арест, который по свойству мягкости уступает лишь денежной пене (ст. 2 Уложения 1903 г.). Он предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приемы, использованные при создании гл. 19, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (например, местоимение «онья» на «них», «сему» на «этому» и т. д.). Причем текст написан доступным языком и, как правило, не допускает разночтений. В то же время юридическая техника данной главы не безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других – статьи не имеют частей, но распадаются на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426) либо статья имеет части, одна из которых делится на пункты (ст. 413).

Классификация преступных деяний против прав семейственных по объектам посягательств. Для систематизации посягательств на семейственные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях редакционной комиссии [20, с. 158–159]. Она проистекает из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г. Проект, который комментировала редакционная комиссия, заметно отличается от окончательной редакции Уложения 1903 г., поэтому представленная ниже классификация является нашей интерпретацией изначального варианта.

Разработчики указывают, что семейственный союз обуславливается браком и имеет своими последствиями права супругов по отношению друг к другу, происходящие из факта рождения права детей, права и обязанности детей по отношению к родителям и наоборот, наконец, союз родственной. Исходя из этого классификацию рассматриваемых деяний логично начать с посягательств на брак и продолжить посягательствами на иные объекты, связанные с браком:

1) посягательства на основание семьи – брак, предполагающий свободное соглашение лиц, спо-

собных к браку. Сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причем преступная деятельность возможна со стороны как брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408–417);

2) посягательства на союз супружеский, единственным представителем которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), так как прочие случаи преступных деяний супругов по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения. Таковы отказ в пропитании родителям, грубость против родителей, неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг возраста 21 года (ст. 419);

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях (причем к родителям приравнены и лица, их замещающие). Сюда относятся жестокое обращение с ребенком, принуждение несовершеннолетнего к браку, обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию, неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке (ст. 420–423);

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом с целью обеспечения правильного ведения метрических записей. Сюда относятся незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424), неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или предоставлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

Субъекты и субъективная сторона преступных деяний против прав семейственных. Круг субъектов преступных деяний, указанных в п. 1–4 классификации, приведенной нами ранее, фактически там же и раскрыт (например, в п. 1 это брачующиеся и лица, уполномоченные государством на заключение браков и их удостоверение, в п. 5 – любые лица, на которые законом возложена обязанность заявлять о рождении или смерти, и т. д.).

При этом в гл. 19 Уложения 1903 г. довольно широко используется конструкция, которую, следуя современной терминологии, можно обозначить как специальный субъект преступления. Им обычно называют вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее помимо общих дополнительными признаками, предусмотренными законом и детерминированными качествами объекта преступления, которые позволяют данному лицу совершить общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей уголовно-правовой нор-

мой [21]. В период разработки и принятия Уложения 1903 г. соответствующее понятие еще не было разработано в юридической науке, но корреспондирующий ему прием законодательной техники был известен и по предыдущему законодательству.

Полагаем, что к специальным было бы правильно отнести следующих субъектов преступных деяний, описанных в гл. 19 Уложения 1903 г.: лицо, состоящее в супружестве (ст. 412); духовное лицо христианского вероисповедания (ч. 1 ст. 413); духовное лицо нехристианского вероисповедания (п. 1 ч. 2 ст. 413); служащий, уполномоченный на ведение метрических записей (п. 2 ч. 2 ст. 413); свидетель, привлеченный к поручительному свидетельству по браку (п. 3 ч. 2 ст. 413); лицо, достигшее брачного совершеннолетия (ст. 414); лицо христианского вероисповедания (ст. 415); состоящий в браке (ст. 418); родитель, опекун, попечитель, имеющий надзор за несовершеннолетним (ст. 420, 421); опекун, попечитель (ст. 422); обязанный иметь ответственный надзор за малолетним или иным... лицом (ст. 423); обязанный по закону заявить о рождении или смерти уполномоченному» лицу (ст. 424), духовное лицо инославного христианского вероисповедания, обязанное вести метрические книги и записи о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425 и 426).

Преступные деяния против прав семейственных, предусмотренные в Уложении 1903 г., по признаку психического отношения субъекта к содеянному и его последствиям целесообразно поделить на три группы.

В первую группу входят те, которые совершаются исключительно с умышленной формой вины. Эта преобладающая группа включает в себя несколько подгрупп.

Прежде всего, следует указать подгруппу, которую составляют тяжкие преступления, каковых, напомним, в рассматриваемой главе два – ч. 1 и 2 ст. 208. Преступления данной категории могут совершаться только умышленно в силу указания в ч. 3 ст. 48 Уложения 1903 г. на то, что такие деяния «наказываются лишь при наличии вины умышленной».

Другую подгруппу образуют все четырнадцать преступлений (так называемых простых, не тяжких), предусмотренных рассматриваемой главой. Их принадлежность к первой группе обусловлена следующим. Часть 4 уже упомянутой ст. 48 содержит предписание, что преступления при неосторожной форме вины наказываются «только в случаях, особо законом указанных, однако ни в одной из соответствующих статей (409–413, 420, 422, 425) указаний на неосторожную вину нет. Более того, применительно ко многим преступлениям (ч. 1 и 2 ст. 412, ч. 1 ст. 413, п. 1–3 ч. 2 ст. 413) делается указание на противоположное – заведомое знание субъектом деяния тех или иных существенных обстоятельств, информированность о которых делает невозможным в принципе совершение деяния по неосторожности.

В последнюю подгруппу следует включить большинство проступков, описанных в рассматриваемой главе. По общему правилу, ответственность за проступки наступает как при умысле на их совершение,

так и при неосторожной форме вины (ч. 5 ст. 48). Однако в гл. 19 применительно ко многим проступкам (ст. 414–416, 418, п. 1 ст. 419) указывается, что виновным заранее (заведомо) известны существенные обстоятельства правонарушения, знание которых исключает неосторожную форму вины. Например, ст. 414 гласит, что ответственность наступает за вступление в брак с лицом, которое заведомо для виновного не достигло брачного совершеннолетия. Как видим, этот технический прием, ныне также востребованный в законодательстве для характеристики субъективной стороны преступления, широко используются в гл. 19 Уложения 1903 г. Следовательно, эти деяния могли бы совершаться только умышленно.

Помимо этого, объективная сторона ряда иных проступков исключает неосторожную форму вины лиц, их совершающих (п. 2 и 3 ст. 419, ст. 421). Так, согласно п. 2 ст. 419 Уложения 1903 г. наказуемо «упорное неповиновение родительской власти». Проявление упорства означает «твердость и непреклонность в стремлении к чему-либо» [22, с. 966], то есть речь идет об осмысленном, целенаправленном и последовательном поведении, исключающем неосторожность.

Во вторую группу входят деяния, которые могут совершаться как умышленно, так и неосторожно. Эта группа мала, причем к ней относятся исключительно проступки (ст. 423, 424 и п. 3 ст. 426).

Ну и в третью группу входят те деяния, которые могут совершаться только по неосторожности (а именно по небрежности). Эта группа еще меньше предыдущей, в нее входят два проступка (п. 1 и 2 ст. 426).

Факультативные признаки субъективной стороны преступных деяний (мотив и цель деяния, эмоциональное состояние лица до или во время совершения правонарушения) в гл. 19, как правило, не указываются, и, следовательно, признаками состава преступных деяний против прав семейственных не являются, а соответственно, в предмет доказывания по делу не входят.

Исключением являются ст. 417 и п. 2 ст. 420. В ст. 417 установлена ответственность за увоз незамужней женщины с ее согласия, но без согласия родителей при условии, что она моложе двадцати одного года, хотя и достигла брачного совершеннолетия. В состав этого проступка, согласно тексту закона, в качестве обязательного признака входит цель деяния – вступление в брак с увезенной женщиной. В п. 2 ст. 420 установлена ответственность родителя и других лиц, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним, в случае отдачи ими своего подопечного третьим лицам с определенной целью – для обращения к нищенству или иному безнравственному занятию.

Форма и способы совершения преступных деяний против прав семейственных. Особенности потерпевших и объект посягательств. Подавляющее большинство преступных деяний против прав семейственных, согласно Уложению 1903 г., могут совершаться лишь посредством тех или иных действий. Вместе с тем немалое количество из них (семь видов) напротив могут совершаться лишь в форме бездействия – не-

совершения тех действий, которые виновный обязан совершить (п. 1 и 2 ст. 419, ст. 423, ст. 424, ст. 425, п. 1 и 3 ст. 426 Уложения 1903 г.). Действия и бездействие в современной науке уголовного права относят к признакам объективной стороны преступления.

Предусмотренные в Уложении 1903 г. способы совершения преступных деяний против прав семейственных весьма разнообразны: насилие над личностью (ст. 408); угрозы убийством, весьма тяжким или тяжким телесным повреждением (ст. 408); обман в активной (сообщение заведомо ложных сведений) и пассивной (умолчание о значимых обстоятельствах) формах (ст. 409); увоз человека (ст. 417); принуждение посредством использования родительской или опекунской власти (ст. 420, 422); внесение в официальные документы неверных сведений (п. 2 ст. 426). Если исходить из современных представлений об уголовном праве, перечисленные способы (как действие и бездействие) являются признаками объективной стороны соответствующих преступлений, но уже факультативными.

При конструировании статей гл. 19 наряду с рассмотренным выше техническим приемом «специальный субъект преступления» законодатель широко применял зеркальный прием «специальный потерпевший». Данный термин и соответствующее ему понятие в науке уголовного права появились значительно позже, в советский период, что, однако, не мешало прибегать к названному приему в законодательстве на рубеже XIX–XX вв. и ранее. Так нередко бывает: какие-то приемы, подходы сначала рождаются и апробируются, показывают свою эффективность в какой-либо практике (отнюдь не только в законодательстве), а лишь затем замечаются, осмысливаются, обосновываются в теории этой деятельности.

Определенные характеристики потерпевшего включаются в составы не всегда, когда преступление причиняет ему вред, а лишь когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его некоторыми условиями [23, с. 23]. Когда это имеет место, говорят о специальном потерпевшем (и здесь просматривается аналогия с предназначением приема «специальный субъект преступления») как факультативном признаке объекта преступления. Если признаки специального потерпевшего в законе не формулируются, на свойства потерпевшего указывает характер ущерба, который причиняет соответствующее преступление.

Выделение фигуры потерпевшего как признака объекта преступления позволяет лучше раскрыть сущность преступления, то есть его общественную опасность, и выявить механизм причинения вреда общественным отношениям [24, с. 39].

Конструкция «специальный потерпевший» использована в гл. 19 Уложения 1903 г. в следующих случаях: ст. 409 (лицо, которое заведомо не могло понимать значение им совершаемого или руководить своими действиями), ст. 410 (жених, невеста), ст. 414 (лицо, заведомо не достигшее брачного совершеннолетия), ст. 419 (мать, законный отец), ст. 421 и 423 (малолетний), ст. 422 (лицо, не достигшее двадцати одного года). Таким образом, специального потерпевшего здесь характеризует определенное состояние здо-

ровья в момент совершения преступления, а также физическое и психическое состояние, умственное развитие, отношение к браку, кровная и юридическая связь с виновным, юридически значимый возраст (возраст полной или неполной общей или специальной дееспособности), возраст, предопределяющий физическое и психическое развитие.

Под объектом любого преступления разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемое выраженной в законе нормою, на которую посягает преступник» [25, с. 7]. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н. С. Таганцева (напомним, члена бывшей редакционной комиссии), который в одной из своих работ писал следующее: то положительное, в чем выражается право, есть интерес, взятый под его защиту; норма права как реальный элемент общественной жизни есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веле-ния юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определенного субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или же известный интерес охраняется правом как общественное достояние, или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту [5, с. 40]. В свою очередь воззрения Н. С. Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельштанера, который конкретное правовое благо считал лишь непосредственным объектом посягательства и указывал, что сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство [5, с. 40].

Охрана семьи, по мнению разработчиков Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, ввиду чего посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств против условий общежития. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным этическим началам, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще [20, с. 157]. Ну а в качестве этических начал традиционно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила, что явно демонстрируют ст. 415, 418 Уложения 1903 г. Следовательно, дополнительным объектом защиты признавались религиозные интересы.

Религиозно-нравственные начала пронизывают всю систему государственных постановлений о брачном союзе. Те частные права, которые при этом

подлежат ограждению, охраняются лишь настолько, насколько нарушение их влечет колебание религиозно-нравственных принципов, в высшей степени важных для общества [20, с. 160].

Заключение

В силу ряда внешних и внутренних причин в последние годы со стороны государства и общества большое внимание уделяется сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа, в частности семьи. В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации внесена поправка (одобренная на всенародном голосовании), в соответствии с которой защите подлежат семья, материнство, отцовство, а также институт брака как союз мужчины и женщины, что закрепляет традиционное представление о браке (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72). В Стратегии национальной безопасности России ситуация в стране и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 23.09.2014 № 24-П указал, что по смыслу ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа нашей страны, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства. На такую защиту направлены и указы Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также от 22.11.2023 № 875, в котором постановлено, что целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей в 2024 г. в стране будет проводиться Год семьи. Наконец, в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 поддержка семьи включена в первую группу национальных целей развития (подп. «а» п. 1), Правительству Российской Федерации поручено разработать и представить национальный проект «Семья» (подп. «а» п. 9).

Надеемся, что данная статья поможет всем заинтересованным лицам лучше понять, в чем состояли семейные ценности для наших предков, а также будет способствовать нахождению оптимальной модели уголовно-правовой охраны семейных ценностей. «При разрешении вопроса о том, каким должно быть новое законодательное регулирование, изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта поколений» – отмечал в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н. Д. Сергеевский. «Он утверждал, что для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания» [26, с. 8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. 253 с.
2. Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М., 1904. 44 с.
3. Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1–8.
4. Юридический словарь : в 2 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 2. 663 с.
5. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 380 с.
6. Гарцева Ю. Ю. Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII – начале XX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 260–265.
7. Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. 75 с.
8. Дьяконов М. А. Справка о фон Неймане Иване // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета (1802–1902). Юрьев, 1902. Т. 1. С. 582–583.
9. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Часть I: О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. 167 с.
10. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3. С. 112–124.
11. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. М., 1826. 209 с.
12. Баршев С. И. Взгляд на науку уголовного законодательства. СПб., 1858. 20 с.
13. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841. 269 с.
14. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1. СПб., 1863. 178 с.
15. Уголовное, уголовно-исполнительное право и криминология. Персоналии : библиографический справочник / сост. Э. В. Георгиевский. Иркутск, 2002. 346 с.
16. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть общая. / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова ; пер. и изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. 916 с.
17. Энциклопедический словарь Т. IIIa: Бергер – Бисы / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. 952 с.
18. Энциклопедический словарь. Т. XXVIII: Россия и С – Саварна / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. 952 с.
19. Сверчков В. В. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259–266.
20. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 4, гл. 17–18. СПб., 1895. 243 с.
21. Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 184 с.
22. Толковый словарь русского языка. Т. 4. С – Яшурный / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. 1500 с.
23. Дагель П. С. Потерпевший от преступления в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 16–37.
24. Шеслер А. В. Состав преступления : моногр. Новокузнецк, 2016. 90 с.
25. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 2, гл. 2–7. СПб., 1895. 582 с.
26. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. 9-е изд. СПб., 1911. 397 с.

REFERENCES

1. *Novoe ugovolnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903* [The new criminal code, approved March 22, 1903]. Saint Petersburg, 1903. 253 p.
2. Kolokolov G.E. *Novoe ugovolnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskii razbor* [The new criminal code: interpretation and critical analysis]. Moscow, 1904. 44 p.
3. Stuchka P. Proletarian revolution and the court. *Proletarskaya revolyutsiya i Pravo = Proletarian Revolution and Law*, 1918, no. 1, pp. 1–8. (In Russ.).
4. *Yuridicheskii slovar': v 2 t. T. 2* [Legal dictionary: in 2 vol. Volume 2]. Moscow, 1956. 663 p.
5. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovolnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 1. 1887–1892* [Lectures on Russian criminal law. General part. 1887–1892]. Saint Petersburg, 1887. 380 p.
6. Gartseva Yu.Yu. Responsibility of family members for not performing duties and abusing of rights in the Russian Empire from the XVIII up to the beginning of the XX century. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2, pp. 260–265. (In Russ.).
7. Neumann J.G.J. *Nachal'nyya osnovaniya ugovolnago prava* [Foundations of criminal law]. Saint Petersburg, 1814. 75 p.
8. D'yakonov M.A. Information about von Neumann Ivan. In: *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derpt'skogo, universiteta (1802–1902). Tom 1* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University (1802–1902). Volume 1]. Yur'ev, 1902. Pp. 582–583. (In Russ.).
9. Goreglyad O.I. *Opyt nachertaniya rossiiskogo ugovolnogo prava. Chast' I: O prestupleniyakh i nakazaniyakh voobshche* [Experience of developing Russian criminal law. Part I: On crimes and punishments in general]. Saint Petersburg, 1815. 167 p.
10. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. The first textbook of criminal law (to the 200th anniversary of the textbook by Osip Goreglyad "Experience of developing Russian criminal law"). *Lex russica = Russian Law*, 2015, no. 3, pp. 112–124. (In Russ.).
11. Gulyaev P.N. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo, sostavlennoe iz rossiiskikh gosudarstvennykh zakononii titulyarnym sovetnikom Petrom Gulyaevym* [Russian criminal law, compiled from Russian state legislations by titular adviser Peter Gulyaev]. Moscow, 1826. 209 p.

12. Barshev S.I. *Vzglyad na nauku ugovnogo zakonovedeniya* [A look at the science of criminal jurisprudence]. Saint Petersburg, 1858. 20 p.
13. Barshev S.I. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh: v 2 razd.* [General principles of theory and legislation on crimes and punishments: in 2 sections]. Moscow, 1841. 269 p.
14. Spasovich V.D. *Uchebnik ugovnogo prava. T. 1* [Textbook of criminal law. Volume 1]. Saint Petersburg, 1863, 178 p.
15. *Ugovnoe, ugovno-ispolnitel'noe pravo i kriminologiya. Personalii: Biobibliograficheskii spravochnik* [Criminal law, penal law and criminology. Personalities: bio-bibliographic reference book]. Comp. by Georgievskii E.V. Irkutsk, 2002. 346 p.
16. Berner A.F. *Uchebnik ugovnogo prava: Chasti: obshch. i osob. T. 1. Chast' obshchaya* [Textbook of criminal law: Parts: general and special. Volume 1. General part]. Saint Petersburg, 1865. 916 p.
17. *Entsiklopedicheskii slovar'. T. IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy* [Encyclopedic dictionary. Volume IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy]. Saint Petersburg, 1892. 952 p.
18. *Entsiklopedicheskii slovar'. 1890–1907. T. XXVIII (55): Rossiya i S–Savarna* [Encyclopedic dictionary, 1890–1907. Vol. XXVIII (55): Russia and S–Savarna]. 1899. 952 p.
19. Sverchkov V.V. Comments to the Russian Federation Criminal Code of indemnity: juridical nature and issue of implementation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current Problems of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 259–266. (In Russ.).
20. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4. Gl. 17–18* [Criminal Code. Explanations to the draft criminal code of the Editorial Committee. Volume 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
21. Semenov S.A. *Spetsial'nyi sub'ekt prestupleniya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [A special subject of crime in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1999. 184 p.
22. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 4. S – Yashchurnyi* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4. S – Yashchurnyi]. Ed. by Ushakov D.N. Moscow, 1940.
23. Dage' P.S. Victim of a crime in Soviet criminal law. In: *Poterpevshii ot prestupleniya* [Victim of a crime]. Vladivostok, 1974. Pp. 16–37. (In Russ.).
24. Shesler A.V. *Sostav prestupleniya: monogr.* [The composition of the crime: monograph]. Novokuznetsk, 2016. 90 p.
25. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 2. Gl. 2–7* [Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Volume 2. Chapters 2–7]. Saint Petersburg, 1895. 582 p.
25. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4, Gl. 17–18* [The Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Vol. 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
26. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' Obshchaya: posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: manual for lectures]. Saint Petersburg, 1911. 397 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОБЛИКОВ – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, Москва, Россия, skoblikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

PETRA A. SKOBLIKOV – Doctor of Sciences (Law), Leading Researcher at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skoblikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Статья поступила 13.05.2024